Андрей ВОЗ

Парламентер

Безоружный парламентарий,
белой кляксой через вражду,
я в единственном экземпляре
на кровавой земле выхожу.

Чтобы было удобней для снайпера,
приколю значок арт-нуво.
Я не предал белое знамя,
просто я завернулся в него.

Может, ангелы или либидо,
смывши красный и черный квадрат,
в виде белого параллелепипеда
нам естественный свет возвратят.

Бегу тропкой неактуальной,
но, когда заболеешь ты,
неактуальная интеллектуальность
разорвет себя на бинты.

Эмблематики в изобилии —
лишь бы снова инструктор не смог
королевские белые лилии
в пионерский покрасить значок.

Бейте грязью по табула раза!
Ваши души очистит не флаг —
в форме белого унитаза
круглый лацканами пиджак.

Парашют

Зачерпывая стропами,
повсюду не из праздности
на вкус я небо пробую.
Небо — разное.

Турецкое — с сурепкою,
испанское — опасное,
немножко с мушкой шпанскою,
над Волгой — самогонное,
похоже на слезу.
Цимлянское — мускатное.
Кто, в прошлом музыканточка,
задела неприкаянной
душою по лицу??

Зачем я небо пробую
над тропкой психотропною?
Чем ангел мне обмолвится?
Вам не понять внизу.

Владимирское — вешнее,
что пахнет головешкою.
Попробуешь — повесишься...

Но я и так
вишу.

Храм

На сердце хмара.
В век безвременья
мы не построили
своего храма.
Мы все — римейки.

Мы возвели,
что взорвали хамы.
Нас небеса еще
не простили —
мы не построили
своего храма.
В нас нету стиля.

Мышки-норушки,
не сеем сами.
Красой нарышкинской,
душой нарушенной,
чужими молимся словесами.

Тишь в нашей заводи.
Но скажем прямо —
создал же Гауди
молитву-ауди.
Но мы не создали
своего храма.

Не в форме порно.
Но даже в сердце
мы не построили
нерукотворной
домашней церкви.

Бог нас не видит.
И оттого
все наши драмы —
мы не построили своего
храма.

История

Татьяна Александровна, урожденная Пушкина,
семейством Лариных удочерена,
была им замуж в сердцах отпущена —
за очередного Ланского пошла она.

А Мери Михайловна, урожденная Лермонтова,
была ему вернее всех невест.
За нее он стрелялся со всероссийским вермахтом.
Прости им, Господи, святой инцест.

ЗА КУЛИСАМИ

Генрих Сапгир:

Помню нашу беседу с Андреем Андреевичем в начале 90-х. Всякое общество имеет свои соблазны и искушения, и чем свободнее общество, тем больше соблазнов для художника и меньше возможности сохранить свое ядро. Тогда поэта стадионов увлекали в политику, потому что некие новые силы видели в нем трибуна. Но мне казалось, и мы горячо говорили об этом, что, оставаясь художником во что бы то ни стало, становясь мэтром в искусстве, а не учителем жизни, поэт выполняет свое истинное предназначение.

И теперь поэт и художник Андрей Вознесенский, сохранивший и развивший то, что в нем было заложено, классик и авангардист одновременно. Поэтому его творчество магнетически свежо для многих.

Игорь Холин:

Вознесенский — замечательный поэт, достоин, чтобы его выдвинули на Нобелевскую премию.

Я думаю, что у всех поэтов ранние стихи более свежие. Это и об Андрее, но не только о нем.

Сэр Изайя Берлин (оксвордский мэтр):

Борис Пастернак считал Вознесенского невероятно одаренным, он говорил с восхищением о его успехах в моем присутствии.

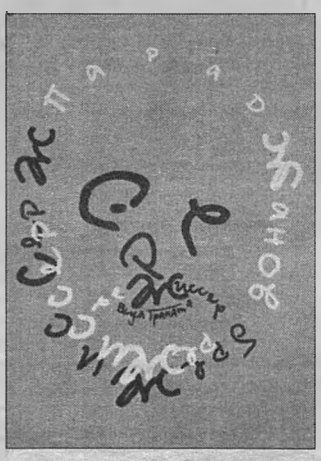
Подражание шотландцам

Я обожаю мышонка за то, что он великан.
Я обижаюсь, что в рясе не я, а сосед Вигелян.

Я обожаю газеты за их очепятки.
Я обижаюсь, когда у двойняшек — три перчатки.
Я обижаюсь на Философию, не ясную, как Чучхе.
Я обожаю Софу в розовом одном чулке.
Я обижаюсь на украденный ЮБК.
Я обожаю, когда на клене шотландская юбка.
Меня обижают индивиды нашего обезьянника.

Я обожаю микеланджеловского Давида,
не прошедшего еще обрезания.

Я обижаюсь, водохлебка, на бесконечные чаи твои.
Я обожаю все водопроводы за то, что не утолят любви.
Я обижаюсь, что я не балерун Бежара.
Я обожаю тебя, за то, что ты наконец
от меня сбежала.



Видеома-портрет
С. Параджанова

* * *

Вдову великого поэта
берут враги.
Стекает зависть
по заветной,
по лунной стороне ноги.

Нет, ты ему не изменила!
С простынок
в темноту зеркал
ты простонала его имя.
Но он тебя не услыхал.

P. S.

Правы вы. Но тем не менее
мне, а не кому-нибудь
Бог посылает вдохновенье.
Значит, праведен мой путь.